

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЮДИЦИИ

© 2014

Григорян В.Л., кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Аннотация: Статья посвящена исследованию актуальных проблем уголовно-процессуальной защиты в условиях применения преюдиции. В контексте рассматриваемой проблематики затрагивается вопрос о пределах действия преюдиции в российском уголовном судопроизводстве и обосновывается возможность ее распространения лишь на обстоятельства, характеризующие объект и объективную сторону состава преступления. Делается вывод о заведомо обреченном характере защитительной деятельности в случае, когда преюдициальное значение придается вступившему в законную силу приговору, постановленному в особом порядке судебного разбирательства в отношении лица, с которым ранее было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальная защита; преюдиция; обстоятельства, подлежащие доказыванию; вступивший в законную силу приговор; досудебное соглашение о сотрудничестве.

Термин «защита» в уголовном судопроизводстве может употребляться и употребляется в нескольких значениях. Им обозначаются соответствующая функция как одно из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности; субъекты, выполняющие эту функцию и выступающие в качестве стороны процесса; институт уголовно-процессуального права, а также деятельность по реализации данного института. Все эти значения защиты касаются одного и того же уголовно-процессуального феномена и отражают те или другие его особенности. Их употребление вполне закономерно и обусловлено определенным контекстом и аспектом исследования проблем уголовно-процессуальной защиты. Тем не менее, когда говорят о защите, прежде всего, имеют в виду протекающую в форме правоотношений деятельность, представляющую собой систему действий участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, направленных на опровержение подозрения и обвинения, отстаивание и охрану прав, свобод и законных интересов подозреваемого и обвиняемого. Указанная деятельность характеризуется определенной спецификой в зависимости от конкретной ситуации, категории преступления, субъектов ее реализации, этапов уголовного судопроизводства и других обстоятельств. Наиболее выразительно это проявляется в условиях применения преюдиции при производстве по уголовным делам.

Преюдиция — это сложное и многогранное правовое явление, которое далеко неоднозначно определяется в современной юридической науке. Спорными были и остаются вопросы о понятии преюдиции, ее сущности и пределах действия в различных сферах судопроизводства. Не претендуя на освещение всех аспектов обозначенных вопросов, остановимся лишь на некоторых из них, прямо касающихся осуществления защиты.

Действующая редакция статьи 90 УПК РФ позволяет трактовать преюдицию как доказанность при производстве по уголовному делу определенной совокупности

обстоятельств, установленной вступившим в законную силу приговором либо иным судебным решением, вынесенным по ранее рассмотренному делу в порядке гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. При этом не совсем понятно, о какой совокупности обстоятельств здесь идет речь, как она соотносится с предметом доказывания по уголовному делу и какие элементы состава преступления характеризует? Отсутствие в анализируемой статье закона запрета на использование тех или иных обстоятельств под углом зрения констатации состава преступления сподвигло некоторых теоретиков к поспешному выводу о необходимости распространения преюдиции на любые обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу [1]. Думается, что в нынешних условиях, когда количество оправдательных приговоров по России в процентном отношении явно недотягивает до единицы, для защитительной деятельности нет подхода страшнее, чем этот.

Конечно, куда проще осудить и наказать лицо без должного проникновения в существо фактических обстоятельств, которые были установлены предыдущим приговором. Но, во-первых, в силу прямого указания УПК РФ виновность лица, не участвовавшего ранее в рассматриваемом уголовном деле, не может предприниматься таким приговором; во-вторых, ряд иных (по-мнению виновности) обстоятельств, входящих в предмет доказывания, носит персонафицированный характер. В частности, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание, устраняющие преступность и наказуемость деяния, могут и должны выясняться применительно к конкретному лицу по новому уголовному делу. Получается, что преюдициальное значение придается тем обстоятельствам, которые соответствуют признакам объекта и объективной стороны состава преступления, иными словами, событию преступления. Кстати, эта мысль, по сути, не является новой. Рассуждая о пределах действия меж-

траслевой преюдиции в уголовном судопроизводстве, Конституционный Суд РФ признал допустимым принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного (неустановленного) по результатам рассмотрения гражданского дела [2].

На первый взгляд, может показаться, что защита в сложившейся ситуации ограничивается лишь опровержением причастности подозреваемого и обвиняемого к совершенному преступлению, оспариванием квалификации содеянного, вида и размера наказания. Однако, не отрицая теоретической значимости строгого деления состава преступления на элементы (объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону), важно отметить, что в практической плоскости указанные элементы тесно взаимосвязаны друг с другом. Не случайно виновность лица в совершении преступления предопределяется его событием. К примеру, в качестве одного из обстоятельств события преступления зачастую выступает групповой способ его совершения, что предполагает определение субъектного состава общественно опасного деяния и форм преступного соучастия. Естественно, при этом не прекращает действовать индивидуализация содеянного каждым из участников группы. В результате под воздействием установления причастности (непричастности) кого-либо из соучастников к преступлению, виновности этого лица в инкриминируемом деянии, формы его вины и других обстоятельств, характеризующих субъект и субъективную сторону, событие преступления может получить иное «звучание» в более позднем приговоре. Так, по уголовному делу, выделенному в отдельное производство и рассмотренному Энгельским районным судом Саратовской области, П. признан виновным в грабеже, совершенном группой лиц по предварительному сговору, тогда как другие соучастники осуждены по ранее вынесенному приговору Саратовским областным судом за разбой в составе банды [3]. То есть одни и те же действия были по-разному истолкованы соответствующими судами. В приведенном примере эффективно сработала защита, профессиональная подготовленность и активность которой способствовали отражению события преступления по второму делу не в том виде, в каком оно устанавливалось предыдущим приговором.

Сказанное отнюдь не означает, что действие преюдиции нацеливает защиту исключительно на видоизменение события и только сквозь призму опровержения или оспаривания обстоятельств, относящихся к субъекту и субъективной стороне состава преступления. Основной смысл и назначение преюдиции сводятся к тому, чтобы не допустить противоречий в выводах между судебными актами, связанными единством фактических обстоятельств, а также сделать более динамичной процедуру доказывания, освободив участников процесса от повторного установления обстоятельств, которые уже были доказаны. Но эту идею не следует возводить в ранг императивного требования, сковывающего или затрудняющего уголовно-процессуальную деятельность и защиту как одно из системообразующих ее направлений. Преюдиция может действовать лишь в условиях бесконфликтности ситуации, когда ни одна из сторон не возражает против доказанности ранее установленных обстоятельств. Иной подход к рассматриваемой проблеме препятствовал бы реализации права каждого на справедливое су-

дебное разбирательство в соответствии с присущими ему правилами доказывания.

На эту сторону вопроса обратил особое внимание Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении № 1 от 29 апреля 1996 года «О судебном приговоре» указал: «Ссылка в приговоре на показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, данные при производстве предварительного расследования или в ином судебном заседании, допустима только при оглашении судом этих показаний в порядке, предусмотренном ст. 276, 281 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что фактические данные, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст. 87, 88 УПК РФ» [4]. Представляется, что при такой трактовке пределов действия преюдиции его позицию впору расценивать как возможность опровержения защиты факта наличия самого события преступления.

Нельзя не оговориться, что высказанные нами суждения и сделанные выводы базируются преимущественно на анализе законодательства и руководящих разъяснений вышестоящих судебных инстанций без учета индивидуально-психологических свойств личности и их влияния на деятельность и поведение человека, особенно в сфере отношений, урегулированных правом. Разумеется, вступивший в законную силу и приобретенный преюдициальное значение обвинительный приговор служит своеобразным ориентиром для судьи при рассмотрении им нового уголовного дела и воздействует на его сознание. Отсюда, пределы использования преюдиции зачастую искусственно расширяются, ввиду чего защите крайне редко удается добиться желаемого результата. Но одно дело, если неограниченное распространение преюдиции диктуется веяниями практики (к обвинительному уклону уголовного правосудия мы уже привыкли), и совсем другое – когда сам законодатель создает «благодатную почву» для такого произвола. Чтобы не быть голословным, достаточно охарактеризовать положение стороны защиты в условиях действия преюдициальной силы приговора, постановленного в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Совсем недавно достоянием широкой общественности стали события, произошедшие около двух лет назад в городе Озерск Челябинской области. Экс-глава администрации Озерского городского округа Евгений Тарасов был привлечен к уголовной ответственности за хищение и растрату государственных бюджетных средств в составе организованной группы. В ходе расследования уголовного дела он неоднократно давал признательные показания, глубоко раскаиваясь в содеянном, и называл фамилии соучастников, среди которых фигурировали лишь подчиненные градоначальника, исполнявшие его указания на безвозмездной основе. Однако после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве Евгений Тарасов заговорил иначе, рассказав следствию, что похищенные им средства якобы передавались члену Совета Федерации Константину Цыбко. При этом никого не смутило, что показания бывшего градоначальника Озерска содержали в себе массу нестыковок. По итогам рассмотрения дела в особом порядке (без исследования доказательств) суд, принимая во внимание «откровения» Евгения Тарасова, вынес в отношении него обви-

нительный приговор, назначив наказание в виде четырех лет лишения свободы (менее половины максимального срока). К счастью для Цыбко, по представлению прокурора апелляционная инстанция пересмотрела приговор и исключила из него ложные показания градоначальника, а Следственный комитет России после тщательной проверки не нашел никаких оснований для возбуждения против него уголовного дела [5]. Не трудно представить масштабы негативных правовых последствий, которые повлек бы за собой вступивший в законную силу приговор в отношении Тарасова.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, изначально направленный на борьбу с организованными формами преступности, не всегда используется по своему прямому назначению. Несовершенство его законодательной регламентации позволяет стороне обвинения, руководствуясь правилами преюдиции, манипулировать результатами такого соглашения. Представители обвинительной власти при наличии слабой доказательственной базы и сомнений в судебных перспективах по основному уголовному делу с несколькими фигурантами заключают с одним из них так называемую «сделку с правосудием», выделяя затем дело в отдельное производство, после чего во что бы то ни стало получают от него показания изобличающего характера в отношении остальных соучастников, особо не проверяя их на предмет достоверности. Не делает этого и суд, поскольку рассмотрение дела в особом порядке не предусматривает исследования доказательств. А между тем, обвиняемый по выделенному уголовному делу с целью демонстрации активного сотрудничества со следствием нередко искажает обстоятельства, имевшие место в действительности, а порой и вовсе оговаривает невиновных, что находит отражение в приговоре и, самое главное, приобретает силу закона. Как итог, последующее расследование и рассмотрение основного дела превращается в пустую формальность. По справедливому замечанию С. Афанасьева, суду, связанному преюдицией предыдущего приговора, вынесенного в особом порядке судебного разбирательства, «не остается ничего другого, как расставить фамилии осужденных в новом приговоре по местам в порядке убывания сроков заключения, не особенно вдаваясь в суть содеянного каждым» [6].

В результате в ущербном виде предстает защита, деятельность которой носит заведомо обреченный характер. И это не случайно. Преюдиция в нормах института досудебного соглашения о сотрудничестве завуалирована (скрыта) и используется как фон для психологического воздействия на сознание судьи при рассмотрении им основного уголовного дела. Иначе, чем можно объяснить конструкцию ряда статей УПК РФ, по смыслу которых, в их взаимосвязи, первым в суде рассматривается дело лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и только потом — других соучастников преступления. При таком законодательном подходе и соответствующем отношении суда к результатам обвинительной деятельности априори не может быть вынесен оправдательный приговор. Для сравнения, в США, где сделка с правосудием применяется уже достаточно давно, сначала всегда судят группу, а затем заключившего сделку лица с тем, чтобы оценить его действительный вклад в раскрытие первоначального дела. Ведь обстоятельства совершения преступления по каждому уголовному делу, как пишет

В.М. Корнуков, необходимо устанавливать с предельной достоверностью [7], чего не скажешь об особом порядке судебного разбирательства. Поэтому вряд ли оправданно придавать преюдициальное значение приговору, постановленному в режиме «усеченного» судебного доказывания. Тем более, что сторона защиты, выполняющая соответствующую деятельность по основному делу, в котором применяется преюдиция, практически лишена возможности оспорить приговор, вынесенный судом в особом порядке. Речь идет о праве на обжалование такого приговора.

По общему правилу, субъекты права на обжалование независимо от формы пересмотра приговора и от вступления или невступления его в законную силу одни и те же. Ими, в первую очередь, являются участники процесса. После долгих научных дискуссий данный перечень был дополнен иными лицами, могущими обжаловать приговор лишь в той части, в которой он затрагивает их права и законные интересы (ст.ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ). Развивая анализируемые положения закона, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 2 от 28 января 2014 года «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» относит к указанной категории лиц, не признанных в установленном законом порядке теми или иными участниками процесса, но исходя из своего фактического положения нуждающихся в судебной защите (заявителя, которому отказано в возбуждении уголовного дела, залогодателя, лицо, на имущество которого наложен арест, и других) [8]. Скорее всего, сюда же можно причислить лицо, упомянутое в приговоре в какой-то степени как причастное к совершению преступления, но не обладающее соответствующим процессуальным статусом. Это лицо вправе обжаловать приговор в защиту своих интересов с тем, чтобы быть из него исключенным и не фигурировать в негативном плане. Хотя в подавляющем большинстве случаев лица, привлекаемые в качестве обвиняемых по основному делу, в приговоре по выделенному делу называются «неустановленными лицами», ввиду чего их связь с обжалуемым судебным решением представляется весьма далекой, не позволяющей им его обжаловать. Изложенное в очередной раз свидетельствует о том, что распространение преюдиции на приговор, вынесенный в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, вызывает большие сомнения, поскольку блокирует и без того ограниченные возможности защиты при производстве по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фидельский С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 163.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. 11 января. № 2.
3. Уголовное дело № 1-194/10 по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив Энгельского районного суда Саратовской области за 2010 год.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (в ред. от 16.04.2013г.) // Российская газета. 1996. 22 мая. № 95; 2013. 5 июля. № 145.

5. Орлов П. Сделка сорвалась // Российская газета. 2014. 17 февраля. № 36.

6. Афанасьев С. Преюдиция или процессуальный капкан // URL: <http://www.advgazeta.ru/gubrics/13/443> (дата обращения: 12.04.2014).

7. Корнуков В.М. Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4(5). 2012. С. 154.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2014. 7 февраля. № 27.

CRIMINALLY-REMEDIAL DEFENCE IN THE CONDITIONS OF APPLIANCE OF COLLATERAL ESTOPPEL

© 2014

Grigoryan V.L., the candidate of legal science,
senior professor of the criminal proceedings department
Saratov State Legal Academy, Saratov (Russia)

Annotation: The article researches the important issues of criminally-remedial defence in the conditions of appliance of collateral estoppel. Within the context of the studied issues the limits of the collateral estoppel in the Russian criminal law of procedure are being considered as well as the possibility of spreading it on the circumstances characterizing the object and the objective element of the crime. The conclusion is drawn about the definitely doomed character of the protective procedure in the case the prejudicial meaning is given to the sentence taken effect when the sentence was passed in special proceeding against the person agreed to the pretrial settlement of cooperation.

Keywords: criminally-remedial defence; collateral estoppel; circumstances subject to be proven; the verdict becomes effective; pretrial settlement of cooperation.

УДК-343.1

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2014

Евстигнеева О.В., кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Аннотация: исследуется дознание в сокращенной форме с позиций расширения диспозитивных начал и обеспечения достоверности принимаемого на основе его результатов судебного решения, формулируется и обосновывается вывод о несоответствии сокращенной формы дознания требованию справедливости.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, справедливость, баланс частных и публичных интересов.

Дознание в сокращенной форме принято рассматривать в первую очередь с позиций углубляющейся дифференциации современного уголовного судопроизводства. При этом высказываются различные мнения относительно критериев такой дифференциации. В теории уголовного процесса к признакам, по которым различаются виды процессуальных производств, чаще всего относят направленность производства, его задачи, материально-правовые отношения, лежащие в его основе; степень сложности уголовно-процессуальной формы; соотношение в производстве публичных и диспозитивных начал[1].

Применительно к дознанию в сокращенной форме

в качестве критериев дифференциации предлагают рассматривать:

- предмет производства (то есть конкретный состав преступления, отнесенный к определенной категории тяжести преступлений в соответствии со ст. 15 УК РФ);
- особенности субъекта преступления (в том числе учет его позитивного посткриминального поведения);
- степень сложности уголовного дела (расследование преступления, совершенного в условиях очевидности, что, безусловно, облегчает задачу органов расследования) [2].

Действительно, существенные черты дознания в сокращенной форме могут быть сгруппированы применительно